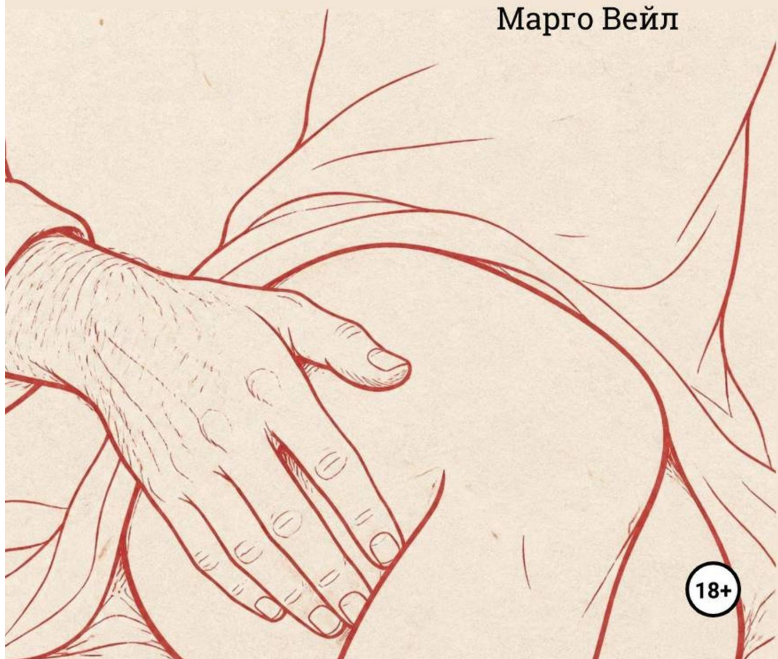

Оставьте крышку открытой

Марго Вейл

18+

Марго Вейл

Оставьте крышку открытой

<https://litres.ru/74525507>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я хочу вас. Давно. Не отвечайте сейчас».

Ей пятьдесят один. Ему шестьдесят. Третий год, в первую среду месяца, она настраивает его старый рояль, а он сидит в кресле с книгой и слушает. Ни взгляда, ни намёка — до той ноябрьской среды, когда он говорит это вслух. И отдаёт решение ей: если захочет — пусть оставит крышку рояля открытой. Если нет — закроет, как всегда, и он больше никогда не заговорит об этом.

Три визита. Три месяца. И женщина, которая девять лет не думала о себе как о той, кого можно хотеть.

Откровенный рассказ о зрелом желании — прямом, терпеливом и очень телесном. 18+

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Марго Вейл

Оставьте крышку открытой

Глава

Открытая крышка

Третий год подряд, в первую среду месяца, в три часа дня Елена поднималась на четвёртый этаж старого дома на Петроградской стороне и звонила в дверь, на которой вместо таблички была приклеена пожелтевшая бумажка: «Звонок не работает. Стучите». Она стучала. Аркадий Львович открывал через десять секунд — будто стоял за дверью и ждал, хотя она знала, что он просто слышит лифт.

— Добрый день, Елена Сергеевна. Проходите. Он вас заждался.

«Он» — это был рояль. Чёрный «Бехштейн» девятьсот двенадцатого года, занимавший половину гостиной. Старый, капризный, с деками, которые помнили ещё две войны, и строем, который уходил от каждой перемены погоды. Петербургская сырость делала своё: к концу месяца ля первой октавы съезжало на восьмую тона, и Аркадий Львович, бывший дирижёр, слышал это так, как другие слышат зубную боль.

Елена снимала пальто, мыла руки, раскладывала на подоконнике инструменты — ключ, клинья, войлочную ленту, камертон. Поднимала крышку. Аркадий Львович ставил чайник, приносил ей стакан в подстаканнике и садился в кресло у окна с книгой. Он никогда не уходил. Он сидел и слушал, как она работает, и иногда, когда она добивалась какой-то особенно чистой квинты, поднимал глаза от страницы. Больше ничего. Два часа она работала, потом они пили чай, говорили о музыке, о погоде, о его бывших оркестрантах, о её сыне, который жил в Москве. Потом она уходила. Он провожал её до двери и говорил: «До встречи в следующем месяце».

Так было тридцать с лишним раз.

Ей был пятьдесят один год. Девять лет назад она развелась с человеком, который за двадцать лет брака ни разу не сказал прямо, чего хочет, — только намекал, обижался, ждал, что она догадается. Она привыкла догадываться. Потом устала. Потом развелась и обнаружила, что мужчины вокруг все такие: говорят вокруг да около, ходят кругами, проверяют, не откажет ли она, прежде чем что-то предложить. Постепенно она перестала интересоваться. Работа, сын, дача, книги. Ей было хорошо. Она почти не думала о себе как о женщине, которую можно хотеть.

Аркадию Львовичу было шестьдесят. Высокий, прямой, с седыми волосами, которые он не стриг коротко, и руками, которые даже в покое выглядели так, будто держат палочку.

Вдовцом он не был — был разведён давно, дочь жила в Хельсинки. Он был вежлив той старомодной вежливостью, которая не заискивает, и говорил всегда точно то, что имел в виду. Елена ценила в нём это. Ей было с ним спокойно.

В ту ноябрьскую среду она сидела за роялем, подтягивая струну в среднем регистре. Си-бемоль малой октавы. Ключ на колке, лёгкое движение кисти, удар по клавише, ещё движение. Она слушала, как сходятся биения, как два звука становятся одним.

Аркадий Львович сказал из кресла, не поднимая головы от книги:

— Елена Сергеевна. Я хочу вас.

Её рука остановилась на ключе.

— Давно, — продолжил он тем же ровным голосом. — Не отвечайте сейчас. Я сказал это, потому что устал не говорить. Если когда-нибудь захотите — оставьте крышку открытой, когда закончите. Если нет — просто закройте её, как всегда, и я больше никогда не заговорю об этом.

Он перевернул страницу.

Елена сидела неподвижно, держа ключ на колке. Струна, которую она подтягивала, так и осталась ненастроенной — чуть ниже, чем нужно. Она слышала, как бьётся сердце. Слышала, как тикают часы на стене. Слышала, как он дышит у неё за спиной — спокойно, ровно.

Потом он встал и ушёл на кухню ставить чайник. Как всегда.

Она закончила работу. Руки делали всё сами — она не помнила, как настроила оставшиеся две октавы. В конце взяла камертон, ударила о колено, приложила ножкой к деке и сверила ля. Ля было чистым.

Она закрыла крышку.

Чай пить не стала — сказала, что торопится. Он проводил её до двери, подал пальто и сказал:

— До встречи в декабре, Елена Сергеевна.

Ничего в его лице не изменилось.

* * *

Фраза жила в ней весь месяц.

Она звучала в метро, между «Горьковской» и «Невским». В чужих гостиных, где Елена настраивала пианино детям, которые не хотели учиться музыке. В душе, когда вода стекала по плечам. Ночью, когда она лежала в темноте и смотрела в потолок.

«Я хочу вас».

Никто никогда не говорил ей этого так. Бывший муж говорил: «Может, ляжем пораньше?» — и смотрел со значением. Мужчины после развода говорили: «Не хотите ли поужинать?», «Можно я вам позвоню?», «Вы очень интересная женщина». Все обходили главное, как обходят лужу. А он сказал прямо. Три слова. И ещё — «давно».

Как давно? Она перебирала их встречи, одну за другой, пытаясь найти, где это началось. Когда он поднимал глаза от книги? Когда подавал ей пальто? Она вспоминала его взгляд

и не находила в нём ничего — ни намёка, ни тени. Он хотел её, может быть, годами — и ни разу не дал этого понять. А потом сказал. Спокойно, как о погоде. И отдал ей решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.